ВЛИЯНИЕ ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ. НА РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Тараборин Р. С.

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, trs-2008@yandex.ru

УДК 347(091)
ББК 67.404.-1

Цель. В статье рассматриваются особенности развития российского общества и государства в XVIII – первой половине XIX вв. и их влияние на развитие гражданского права.

Методы и методология. Для исследования вопросов эволюции российского общества автором используются достижения различных социальных наук.

В результате исследования делается вывод о том, что придание гражданскому праву Российской империи системного характера органично вытекало из противоречивости происходивших в государстве социально-экономических процессов, являлось неизбежным результатом имперского характера модернизации в обществе, сохранявшем существенный уровень зависимости от состояния природно-климатической среды его функционирования.

Ключевые слова: систематизация законодательства, гражданское право России, эволюция российского общества и государства, история юридической науки.

THE INFLUENCE OF EVOLUTION OF THE RUSSIAN SOCIETY AND STATE OF THE XVIII – EARLY XIX CENTURIES ON THE DEVELOPMENT OF CIVIL RIGHTS

Taraborin R. S.

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 66, 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, trs-2008@yandex.ru

Purpose. The article considers specific features of the Russian society and state development in the XVIII – first half of the XIX century and their influence on the development of civil law.

Methods and methodologies. To research the issue of evolution of the Russian society the author refers to a variety of findings in social sciences.

The research draws the conclusion that the systemic character of civil law of the Russian Empire naturally proceeded from inconsistency of socio-economic processes and was the inevitable outcome of the imperial nature of modernization in the society maintaining a significant level of dependence on the natural-climatic environment of its functioning.

Key words: systematization of legislation, civil law in Russia, evolution of the Russian society and state, history of jurisprudence.

При анализе особенностей развития российского общества и государства XVIII – первой половины XIX вв. представляется необходимым исходить из теоретических оснований, касающихся общего хода исторического процесса и его своеобразия на этапе модернизации (раннеиндустриальной модернизации на мануфактурной производственной основе).

Концепция русского исторического процесса, разработанная Л. В. Миловым, рассматривает возникновение и стабильность двух системообразующих основ

© Тараборин Р. С., 2015

российского аграрного общества – самодержавной системы политической власти и фактического служебного прикрепления к государству всех сословий – как объективный результат действия компенсационного механизма, должного обеспечить выживание общества как единого целого в условиях, когда сельское хозяйство – в силу природно-климатических ограничений – могло производить только минимальный совокупный прибавочный продукт[5, с. 5–11].

В результате в обществе консервировалась система хозяйства, в которой в основной отрасли доминировало натуральное производство и внеэкономические способы изъятия государством и правящим дворянским сословием прибавочного продукта, а сама собственность, прежде всего – земельная[8], приобретала, в сущности, условный характер, попадая в зависимость от выполнения её фактическим владельцем определённых обязанностей по отношению к государству.

Поэтому внедрение в экономику общества мануфактурного производства, первоначальной основы социальной модернизации, послужившее в условиях Западной Европы мощным стимулом повсеместного распространения рыночных отношений и социального переструктурирования общества[9], в России породило феномен крепостнической мануфактуры, то есть не столько подрывало, сколько консервировало прежние социальные отношения, обеспечивая их доминирование и в промышленности: «Заимствование капиталистической технологии, по сути, привело к созданию в промышленности особых форм труда, почти ничем не отличимых от рабства»[6, с. 241].

Эти факторы, игравшие ведущую роль в хозяйственном развитии России на протяжении большей части XVIII в., подверглись эрозии в его конце и в первой половине XIX в.

Включение в состав Российской империи богатых чернозёмом земель Причерноморья (Новороссии) и формирование на них в конце XVIII – начале XIX вв. крупного товарного зернового производства существенно ослабило влияние природно-климатического фактора[6, с. 235–236]. Резко ускорившееся в это же время технологическое отставание от Западной Европы, где уже происходила промышленная революция, угрожало имперским амбициям власти в силу потенциального ослабления военной мощи. Внедрение же достижений фабрично-заводского производства в российскую экономику требовало иного характера и качества рабочей силы, вело к потере конкурентоспособности крепостнических мануфактур и в целом к подрыву прежних социальных отношений, основанных на крепостном праве[6, с. 245].

В совокупности отмеченные процессы работали на разложение традиционной социально-сословной структуры общества, поскольку интересы новых, возникавших внутри и выделяющихся из сословий социальных групп буржуазного характера не умещались в рамки прежних социальных взаимоотношений.

Конечно, все эти изменения получили полноценное развитие только в пореформенный период, когда отмена крепостного права и полномасштабное развёртывание промышленной революции объективно перевели общество на этап собственно индустриальной модернизации. Но проявления этих новых тенденций социально-экономической эволюции приняли и в первой половине XIX в. такие размеры и формы, которые власть в своей политике, включая, естественно, законодательную деятельность, в том числе и в области регулирования гражданско-правовых отношений, игнорировать не могла и должна была пытаться учитывать.

Таким образом, использование в качестве одного из теоретических оснований нашей работы концепции Л. В. Милова позволяет выделить два качественных этапа развития социально-экономических процессов: XVIII в. (ориентировочно до 1790-х гг., то есть времени, когда начали сказываться последствия хозяйственного освоения южных чернозёмов) и последние годы XVIII – первая половина XIX вв. (до реформ Александра II).

Представляется, что следует по-разному оценивать тенденции развития сферы гражданско-правовых отношений в российском обществе на этих этапах и соответственно регулирование этих отношений в текущем законодательстве.

На первом этапе должны были доминировать факторы, способствовавшие консервации структуры отношений, которая была унаследована империей от Московского государства, на втором – бóльшую роль приобретать факторы, содействовавшие, во-первых, кристаллизации гражданского права как отдельной отрасли права, во-вторых, отражению в текущем законодательстве изменений, происходивших в социальной структуре общества (с одной стороны, учёт интересов тех групп населения, которые активно вовлекались в рыночные отношения, с другой, защита экономических интересов дворянства, остававшегося основной опорой абсолютистской власти).

В свою очередь, использование в качестве теоретического основания положений модернизационной теории позволяют выделить две основные взаимосвязанные особенности модернизации на раннеиндустриальном её этапе: этатистский и неравномерный, колебательный характер.

Выделение второй из этих особенностей находит также своё теоретическое обоснование в синергетическом подходе, поскольку, согласно последнему, всякий переходный процесс выводит социальную систему из равновесия, вследствие чего – при определённых обстоятельствах – нарушается линейная

причинно-следственная зависимость происходящих изменений в пользу возрастания их нелинейной случайности. Это, в частности, проявляется в том, что в социальных системах усиливается роль, как указывалось выше, личного фактора (в абсолютистской системе власти – роль личности конкретного монарха).

Следовательно, развитие правовых систем и их составной части – систем законодательства, должно в опосредованном виде отразить обе эти особенности: доминирующую роль государства в определении направленности и содержания происходящих в обществе изменений и колебательный характер проводимых им преобразований (цикл «реформа-контрреформа»).

В этом отношении, как представляется, принципиально важно учесть одну общую особенность этатистской модернизации, которую выделяют различные её исследователи [2].

В концентрированном виде её можно определить следующим образом. На протяжении большей части модернизации и, как правило, на всём её раннеиндустриальном этапе, власть сохранялась в руках традиционалистских элит, сформировавшихся в рамках аграрного общества. Такие элиты оказываются способны осуществлять преобразования модернизационного характера в экономической и военной областях, обеспечивающие целостность и внешнеполитическую самостоятельность страны. Но объективные интересы и политическая культура таких элит детерминировали их общую политическую ориентацию на сохранение – с помощью частичных внутрисистемных преобразований – основ аграрного общества, в первую очередь, в социальных отношениях и в государственной форме, системным стержнем которой являлась неограниченная власть монарха [10, с. 204–205].

Подобная особенность усиливалась, когда модернизация происходила в условиях империи, поскольку в таких случаях ориентация власти на политический традиционализм дополнительно стимулировалась необходимостью обеспечить стабильность и управляемость периферийными территориями с иным этническим и конфессиональным составом населения и одновременно стремлением отстоять своё влияние на внешнеполитической арене в конкуренции с другими империями, часто принимавшей формы межгосударственных и коалиционных войн. Кроме того, в условиях Российской империи существенную роль играли социокультурные традиции, унаследованные от Московского государства, связанные с представлением об особом месте Российского государства в мире как православного государства, Святой Руси, что усиливало восприятие монархической (царской, императорской) власти как сакральной.

Поэтому в условиях Российской империи модернизационные действия власти должны были страдать двойственностью, которая неизбежно проявлялась бы и в области законотворчества: временами достаточно радикальные преобразования, происходившие в экономической и социальной сферах общества, но преимущественно диктуемые реализацией имперских интересов, сочетались с крайней осторожностью в институциональных преобразованиях.

Можно согласиться с мнением А. Б. Каменского, отметившего, что «важнейший парадокс петровской модернизации и состоял в том, что результатом ее было превращение страны в регулярное государство, полицейскую империю, в которой отсутствовала основа для формирования гражданского общества»[7, с. 131–132], но считаем, что применительно к последней трети XVIII – первой половине XIX вв. такая оценка нуждается в содержательном уточнении.

Это связано с тем, что сам ход модернизации, изменения, которые латентно и явно происходили в структуре социально-экономических отношений, полностью властью игнорироваться не могли и настоятельно требовали проведения хотя бы частичных изменений институционального характера (в том числе и в законодательстве), конечно, не ставящих под сомнение принцип абсолютной монархической власти. Появившиеся при Петре I законодательные определения этого принципа были в слегка изменённом виде воспроизведены в Своде законов Российской империи: «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не токмо за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает»[11].

Ключевым фактором, опосредованно вызывавшим подобные частичные изменения, были, на наш взгляд, начавшиеся в условиях модернизации процессы дифференциации и разложения сословной системы организации общества.

В современной социологии сословия определяют как систему стратификации, исторически сложившуюся в Европе и России, основывающуюся на обычае и создаваемую посредством законов, устанавливающих упорядоченную и передающуюся по наследству систему прав, привилегий и обязанностей для каждой из страт, и характеризующуюся резкими различиями и жёсткими барьерами между ними. При этом учёными обращается внимание на то, что государство не создаёт сословия, а, определяя законодательным путём сословные права, привилегии и обязанности и обеспечивая посредством своей управленческой деятельности их соблюдение, лишь легитимирует, переводит в формально-юридическую плоскость складывающиеся в процессе эволюции традиционного общества взаимоотношения различных социальных групп [12, с. 429].

В основе этих взаимоотношений лежит объективный процесс распределения социально-воспроизводственных функций, обеспечивающий системное единство общества. В этом смысле самосознание или самоидентификация социальных групп, эволюционирующих в сословия, прежде всего определяется их структурно-функциональным местом в общественном воспроизводстве, то есть по отношению к другим группам. Правовая система в той её части, что легитимирует сословия, должна соответствовать или, во всяком случае, достаточно репрезентативно отражать именно эти внутрисословные представления, в случае же возникновения существенных расхождений между последними и действиями власти в правовой сфере возможно возникновение внутрисистемных напряжений, нарушающих существующее равновесие.

Наиболее существенным пролонгированным результатом модернизационных экономико-технологических и культурных воздействий на социальную систему является, как правило, необратимая внутрисословная дифференциация, заключающаяся в постепенном образовании социальных групп, объективные интересы которых выходят за пределы тех прав и обязанностей, которыми данное сословие располагает. Одновременно идёт процесс образования нелегитимированных в рамках действующего законодательства межсословных групп.

В такой ситуации, сохранение системной целостности общества в решающей степени зависит от правящей элиты, её способности, используя мощь государственной машины, комбинируя реформы и контрреформы, выступить в роли своего рода «системного интегратора». От того, насколько эффективно правящая элита и сам единоличный правитель (монарх) сумеют приспособить государство и его правовую систему к выполнению таковой роли, зависит в конечном итоге успех всего модернизационного перехода.

Последнее обстоятельство резко повышало требования к качеству управленческого аппарата, вовлечённого в законодательную деятельность, которую также следует, отнести к предпосылкам формирования правовой системы в целом и её гражданско-правовой составляющей.

Одной из закономерностей модернизации, обеспечивающей её проведение и эффективность, на которую указал ещё М. Вебер, являлось изменение качества государственного управления. Оно имело две стороны: 1) формирование бюрократических специализированных управленческих структур и профессионального слоя управленцев – бюрократии; 2) переход от традиционных методов управления, основанных на обычае, привычке, повторяемости, к целерациональным методам, основанным на определении желаемой цели, исходя из адекватного знания о предмете управления и средствах управления. «Целерациональным, – указывал М. Вебер, – мы называем поведение, ориентированное только на средства, представляющиеся адекватными для достижения однозначно воспринятой цели»[3, с. 495].

Формирование профессионального бюрократического слоя началось в России ещё при Петре I и с большей или меньшей интенсивностью шло на протяжении всего исследуемого периода, приняв особенно значимые размеры в правление Николая I[4].

Вместе с тем унаследованная от московского самодержавия, значительно усиленная при Петре I и практически не изменявшаяся, вплоть до второй половины XIX в., пирамидальная централизация государственной власти, последовательно проведённая сверху вниз, лишала составлявшие её отдельные структуры значительной доли самостоятельности в принятии решений, что негативно влияло на профессиональный уровень управленческой деятельности, ставило принятие решений в зависимость от вышестоящего мнения, в абсолютистской системе – самого монарха. Положение в лучшую сторону стало несколько изменяться в первой половине XIX в. по мере повышения образовательно-профессионального уровня российского чиновничества, что особенно заметно проявилось в деятельности реформированной Николаем I Собственной Е.И.В. канцелярии.

Но это не изменило ключевой роли самого монарха в определении направления и содержания управленческой деятельности, включая законодательную деятельность. Личный фактор (субъективные качества, взгляды и представления российских императоров и императриц), на что справедливо указывалось ещё в дореволюционной историографии, оказывал непосредственное влияние на принятие законодательных решений и эффективность их реализации.

С петровской эпохи в российском обществе стал утверждаться принцип законности, на смену религиозной регламентации пришла регламентация светская, рационально-юридическая. Большую роль в этом сыграли заимствования государственно-правового характера из Европы. Обращение к традициям римского права и европейскому опыту законодательства стали с первых десятилетий XVIII века одним из факторов повседневной законодательной деятельности. Но следует согласиться с мнением современных исследователей, которые отмечают, что принцип законности, выражавший универсальность империи, но «внедряемый стоявшей над законом самодержавной властью в неправовую среду, не открывал перспектив его универсализации. Если в обществе не пустила корни сама идея естественных и неотчуждаемых человеческих прав, то закон в таком обществе

может быть только утилитарным средством в руках надзаконной власти, а не универсальным регулятором поведения людей»[1, с. 270–271].

Безусловно, основная траектория государственно-правовой эволюции Российской империи на протяжении этапа раннеиндустриальной модернизации может быть определена как формирование «законной монархии» и «законного общества», то есть государства и общества, приоритетную роль в функционировании которых играет закон, а не обычай или силовой произвол. Но это была именно российская траектория, при которой определяющую роль в законодательной деятельности государства в конечном итоге выполняли опосредованные – через их восприятие правящей элитой и лично монархами – социальные изменения, вызванные именно российской спецификой модернизации и происходившие в сословной организации общества.

Как было показано Л. В. Миловым, особенности природно-географической среды, в которой складывалось и развивалось русское общество, в соединении с последствиями монгольского завоевания и последующим сложным процессом объединения русских земель вокруг Московского княжества создали своеобразную систему взаимоотношений формирующихся сословий с государством. В этой системе интересы первых начали адаптироваться под интересы государственного строительства, что и обусловило возникновение у сословий – в разных формах, но по содержанию равно служебной функции по отношению к государству.

Относительная стабильность этой системы отношений сословий с государством, существовавшая в условиях аграрного московского общества, основывалась, как представляется, на том, что она соответствовала объективному месту дворянства, духовенства, крестьянства и посадских людей в аграрном характере воспроизводственного процесса. Это подтверждается тем, что внутриполитическая борьба в Московском государстве как отражение социальных конфликтов касалась расширения или сокращения набора прав, привилегий и обязанностей внутри сословий или перераспределения их между сословиями, но не затрагивала самого принципа такой социальной организации.

Модернизация, изменяющая сам характер экономики с аграрного на аграрно-индустриальный, ведёт в конечном итоге в социальном плане к замене сословного принципа социальной организации на классовый, но этатистский и имперский характер российской модернизации придали этому процессу своеобразный асинхронный и колебательный характер.

Преобладание целей строительства империи и подчинение им модернизационных по своему потенциалу преобразований при Петре I привело первоначально к усилению служебного принципа в отношении государства к сословиям, что проявилось в законодательстве (например, в отношении дворянства введением единонаследия и принятием «Табеля о рангах»). Однако дальнейшее развитие модернизации в экономике и культуре, в наибольшей мере затронувшее дворянство, усилило в его среде тенденцию к эмансипации от государства. Окончательное освобождение дворянского сословия от служебной зависимости при Екатерине II кардинально изменило его структурно-функциональное место во всём общественном воспроизводстве, что при сохранении прежних функций за крестьянством и городским населением деформировало прежнее функциональное равновесие сословий.

На протяжении всей первой половины XIX в. непрерывное развитие рыночных отношений в экономике способствовало дальнейшей дифференциации внутри сословий, выделению в них эволюционирующих в направлении обретения буржуазных черт мировоззрения различных промежуточных групп, особенно в составе городского населения.

Можно сказать, что в это время социальная структура российского общества окончательно приобрела переходный характер. В ней противоречиво соединялись черты прежнего уклада, основанного на служебной зависимости всех сословий от государства как снятой на государственно-правовом уровне объективной взаимозависимости сословий в обществе с минимальным объёмом совокупного прибавочного продукта, и нового уклада, требующего и частично осуществляющего эмансипацию сословий и отдельных социальных групп от государства как отражение ослабления зависимости общества от внешней, природной и политической, среды его существования и сдвигов, вызванных экономическими и культурными новшествами в обществе.

Следовательно, такой характер социальных процессов создавал необходимые предпосылки для аналогичной, – но в соответствующих праву формах, – переходной структуры правовой системы общества и его законодательной основы. Но попытки государственной власти одновременно обеспечить правовые условия для продолжения экономической модернизации как основу имперской мощи (законодательный реформизм) и для предотвращения «расползания» сословных «скреп» общества (законодательный консерватизм) не могли не привести к возникновению противоречий и несогласованности правовых норм. Нарастание последних, в свою очередь, угрожало дезорганизацией, хаотизированием правоприменительной практики, что становилось дополнительным и крайне опасным фактором дестабилизации всей общественной системы. В правовом отношении выходом из этого положения

становилось устранение наиболее болезненных для сохранения общественной стабильности противоречий текущего законодательства. Оптимальным путём для этого могла стать систематизация законодательства в форме единого юридического комплекса, дифференцированного по отраслевой принадлежности (Уложений или Сводов).

Таким образом, текущие предпосылки придания законодательству Российской империи системного характера органично вытекали из противоречивости происходивших в ней социально-экономических процессов, что, в свою очередь, являлось неизбежным результатом этатистского и имперского характера модернизации в обществе, сохранявшем существенный уровень зависимости от состояния природно-климатической среды его функционирования.

Потребность в формировании такой системы в сфере гражданско-правовых отношений имела в этой ситуации, как представляется, особенно острый характер, так как экономические изменения, ведущие к разрастанию сегмента рыночных отношений между индивидами и социальными группами, в соединении с внутрисословной дифференциацией в наибольшей мере порождали конфликты и потенциальное социальное недовольство на уровне повседневной жизни и повседневных социально-экономических взаимодействий между индивидами и отдельными социальными группами, что затрудняло осуществление текущего контроля над обществом, столь важное для обеспечения внутренней стабильности.

Поэтому будет справедливо говорить о двойной заинтересованности в формировании переходной по содержанию, но относительно целостной правовой системы: и со стороны общества в лице переживавших внутреннюю социальную дифференциацию сословий, и со стороны абсолютистского государства в лице правящей монархо-дворянской бюрократической элиты.

Непосредственный ход формирования такой системы, включая её гражданско-правовую составляющую, в силу особенностей модернизации в условиях империи должен был в своих конкретных формах и конечных результатах отразить подобную, условно говоря, «целостность переходности», необходимым исходным компонентом которой не могла не быть также и правовая преемственность по отношению к соответствующему законодательству Московского государства.

Литература:

1. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало?. М.: Новое изд-во, 2005. 708 с.
2. Васильев Л. С. Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции). М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. 188 с.
3. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
4. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
5. История России с древнейших времен до конца XVII века / Под ред. Л. В. Милова. М.: Эксмо, 2006. 768 с.
6. История России XVIII–XIX веков / Под ред. Л. В. Милова. М.: Эксмо, 2010. 784 с.
7. Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М. : Новое литер. обозрение, 1999. 328 с.
8. Ковальчук М. А., Тесля А. А. Земельная собственность в России: правовые и исторические аспекты (XVIII – первая половина XIX вв.). Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2004. 190 с.
9. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М.: РОССПЭН, 1998. 261 с.
10. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
11. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1832 года. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1832. Т. I. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. I. Основные законы и учреждения государственные. LXXII, 954, 15 с.
12. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЗАО «Изд-во «Экономика», 2004. 620 с.

References:

1. Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. The History of Russia: the end or the new beginning? M.: Novoe izd-vo., 2005. 708 p.
2. Vasiljev L. S. Modernization as a historical phenomenon (on the general laws of evolution). M.: “Liberalnaya missiya” Fund, 2011. 188 p.
3. Weber M. Selected works. M.: Progress, 1990. 808 p.
4. Gaman-Golutvina O. The political elites of Russia: Milestones of historical evolution. M.: ROSSPEN, 2006. 448 p.
5. The History of Russia from ancient times to the late XVII century / Ed. by L. V. Milov. M.: Eksmo, 2006. 768 p.
6. The History of Russia of the XVIII-XIX centuries / Ed. by L. V. Milov. M.: Eksmo, 2010. 784 p.

7. Kamenskyi A. B. The Russian Empire in the XVIII century: traditions and modernization. M: Novoe liter. obozrenie, 1999. 328 p.
8. Kovalchuk M. A., Teslya A. A. Land ownership in Russia: legal and historical aspects (XVIII – first half of XIX centuries). Khabarovsk: DVGUPS publ., 2004. 190 p.
9. From agrarian society to welfare state. Modernization of Western Europe from XV century to 1980-s. M.: ROSSPEN, 1998. 261 p.
10. Poberezhnikov I. V. The transition from traditional to industrial society: theoretical and methodological problems of modernization. M.: ROSSPEN, 2006. 240 p.
11. The Code of laws of the Russian Empire, drawn by order of the Emperor Nikolai I. Published in1832. SPb.: Publ. II-nd department of the HIH own Office, 1832. V. I. The Code of institutions state and provincial. P. I. Basic laws and state institutions. LXXII, 954, 15 p.
12. Sociological Dictionary / N. Abercrombie, S. Hill, B. S. Turner. 2nd ed., rev. and add. M.: ZAO “Izd-vo”Ekonomika” , 2004. 620 p.